

АЛЕЙНИКОВА Любовь Германовна — заведующий учебным кабинетом кафедры государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России (141435, Россия, Московская обл., г. Химки, мкрн. Новогорск, стр. 1; lubal69@mail.ru)

МЕЛЬКОВ Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор; заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России (141435, Россия, Московская обл., г. Химки, мкрн. Новогорск, стр. 1; 304304@mail.ru)

МИКРЮКОВ Владимир Олегович — кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Академии гражданской защиты МЧС России (141435, Россия, Московская обл., г. Химки, мкрн. Новогорск, стр. 1; mikryukov.v.o@gmail.com)

ПЕРЕНДЖИЕВ Александр Николаевич — кандидат политических наук; старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России (141435, Россия, Московская обл., г. Химки, мкрн. Новогорск, стр. 1; 000212@mail.ru)

ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается книга немецкого политического философа XX в. К. Шмитта «Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического». Книга развивает и насыщает новыми фактами теорию политического, которая ранее была разработана К. Шмиттом в его знаменитом труде «Понятие политического».

Авторы формулируют свое отношение в целом к теории партизана, а также к таким известным политическим персонажам, как Салан, Ленин, Мао Цзэ Дун, Че Гевара, в биографиях которых персонифицирована данная теория. Статья подготовлена в рамках научной школы «Государственная политика и управление», функционирующей на постоянной основе в Академии гражданской защиты МЧС России.

Ключевые слова: вооруженная нация, герилья, иррегулярность, партизан, политическая вовлеченность, террорист

О сущности политического: продолжение разговора. Авторам ранее уже приходилось знакомиться с некоторыми научными трудами политолога К. Шмитта, которого большинство современных авторов небезосновательно считают политическим философом. Например, мы детально знакомы с книгой К. Шмитта «Понятие политического» и вообще с его теорией политического (как явления и понятия). В рассматриваемой книге ее автор развивает свои идеи о сущности политического [Шмитт 2007].

Что такое политическое у К. Шмитта? Достаточно известный российский ученый-социолог А. Филиппов пишет об этом следующим образом (далее приведем его точку зрения в виде достаточно обширной цитаты).

«Само понятие у Шмитта выглядит следующим образом: политическое есть там и тогда, где и когда имеет место публичное противостояние больших групп, разделенных между собой по принципу “друг — враг”. Иначе говоря, противостояние врагов, у каждого из которых есть также и политические друзья. О друзьях Шмитт практически ничего не пишет, он пишет только о том, что главное политическое разделение — это разделение по принципу “друг — враг”, это разделение врагов. Люди определяют большие группы как группы врагов: там, по другую сторону этой линии, находятся мои враги.

Что такое “мои враги”? Что такое группы? Это не личные враги — у меня по ту сторону этой линии могут быть даже бывшие личные друзья. Это не те, кто мне непременно неприятен, не те, кто безобразен, с кем невыгодно иметь дело и так далее. Враг — это именно политический враг, то есть это враг не мой лично, а это враг моей группы, группы, с которой я себя идентифицирую, к которой я принадлежу, это публичный враг большой группы людей.

Почему политическое есть только в таких случаях? Потому что политика для Шмитта – это противостояние политических единств, то есть не отдельных людей, а именно организаций, групп, в первую очередь, конечно же, государств. Но как было бы хорошо и легко, если бы мы просто сказали: “Политическое есть там, где есть государство”, – то есть понятие политического предполагается, если мы говорим о государстве. И если мы будем так говорить, то это будет правильно, это будет просто, и самое важное, что имел в виду Шмитт, будет несколько скомкано.

Что чем предполагает? Что без чего невозможно? Возможно ли государство без политического? Нет, невозможно. А возможно ли политическое без государства? Вот политическое без государства все-таки возможно, возможны такие противостояния, при которых государства как особого политического единства, как особой политической формы по каким-то причинам нет: еще нет, исторически оно не сложилось, уже нет, или оно не играет при каких-то обстоятельствах ключевой роли, – а политическое как противостояние врагов все равно есть. Поэтому политическое более изначально, оно важнее, чем государство, и это для К. Шмитта является принципиальным моментом»¹.

Из этих пространных по протяженности, но очень четких по смыслу рассуждений А. Филиппова следует актуальность изучения книги К. Шмитта «Теория партизана» для современной политической науки. Далее уже от себя отметим несколько ключевых моментов актуальности книги К. Шмитта для современной науки и политической практики.

Во-первых, сегодня в мире существует огромное число фактов, событий, которые объясняются/интерпретируются политиками и чиновниками достаточно примитивно и просто (например, «это терроризм» – чаще всего почти всегда звучит именно такая оценка). И не всегда эти публичные оценки разделяются впоследствии научным и экспертным сообществами. Например, убийство в декабре 2016 г. российского посла в Турции А. Карлова было тут же классифицировано как террористический акт террориста – не одиночки². Однако более внимательное рассмотрение этого политического убийства позволяет увидеть в нем скорее черты не теракта, а некоего партизанского действия³ со стороны нескольких националистических настроенных групп турецкого общества (например, военных вкупе со спецслужбами, которые явно составляют влиятельную социальную группу в Турции). Напомним, что убийца нашего посла долгое время работал в турецкой спецслужбе, но средства массовой информации упорно приписывают ему связь со сторонниками проповедника Ф. Гюлена, проживающего в США и являющегося политическим противником действующего президента Турции.

Во-вторых, до сих пор ни ведущие страны мира (Россия, США и др.), ни многие другие политические силы до конца не определились в том, кто «хороший» террорист (если таковые вообще бывают), а кто «плохой»; кто борец за свободу и независимость (то есть, вроде бы наш союзник), а кто убийца и обычный уголовник. Словом, проблема идентификации тех или иных политических, это важно подчеркнуть особо, сил остается для науки и современной социально-политической практики проблемой № 1. Не случайно исследователь из Орла Д.Л. Цыбаков отмечает, что «практически ни одна экстремистская или терро-

¹ Политическое у Карла Шмитта. Социолог Александр Филиппов о противостоянии политических врагов, справедливых войнах и внутренней жизни государств. Доступ: <https://postnauka.ru/video/50701> (проверено 27.12.2016).

² МВД Турции: убийца посла РФ в Анкаре не был террористом-одиночкой. – *Вести.ру. Официальный сайт*. 24 декабря. Доступ: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2836787&tid=110204> (проверено 27.12.2016).

³ Авторы статьи ничего окончательно не утверждают. Здесь и далее лишь происходит одновременно актуализация и проблематизация тематики партизанства, партизана.

ристическая группировка официально себя так не именует. Какова бы ни была идеология их деятельности, экстремисты разных мастей охотно берут на вооружение риторику и антураж военноподобного содержания. Выглядеть воинами, защитниками народа, а не его поработителями – вот их главная пропагандистская задача» [Цыбаков 2010: 133].

В-третьих, во многих странах мира продолжается размывание государственного суверенитета и передача части государственных полномочий частным компаниям. Так, например, Д.Л. Цыбаков пишет, что «в процессе милитаризации неизбежно происходит и целенаправленное либо стихийное распространение принципов, методов и технологий военного искусства за пределы вооруженных сил. Возникает феномен милитаризации политики, когда в борьбе за обладание публичной властью конкурирующие стороны начинают прибегать к средствам, изначально предназначенным для ведения вооруженного противоборства» [Цыбаков 2010: 131]. Этот же исследователь в своих многочисленных научных трудах пишет о массовом характере парамилитарных формирований во многих странах мира [Цыбаков 2004].

Попутно отметим, что партизанские отряды относят еще к так называемым негосударственным вооруженным формированиям, которые, по мнению авторов книги «Борьба с НВФ»¹, характеризуются тремя базовыми характеристиками:

- 1) имеют национальную принадлежность, но при этом не имеют государственного статуса;
- 2) организованы по военной (полувоенной, военизированной) схеме;
- 3) их основным оперативным параметром является применение насилия для достижения реальных (либо декларируемых) политических целей и задач [Борьба с НВФ... 2007: 3].

В-четвертых, на примере ИГИЛ (его деятельность запрещена в Российской Федерации) мы видим очередную достаточно успешную (во всяком случае, на сегодняшний день) попытку «выращивания» из террористической по сути и по характеру структуры вроде бы «нормальной» и весьма крупного по территории государства. И хотя по поводу нормальности (например, вписывания в параметры демократического государства, правового государства, социального государства) СССР и государства талибов для XX в. и ИГИЛ для века XXI можно спорить долго, все же подчеркнем, что без экономической подпитки «терроризм фактически бессилён» [Мельков, Перенджиев 2016: 178-179]. Таким образом, захватившие на определенной территории власть террористы для своей легитимации обязательно будут создавать *свое* государство. Поэтому сегодня ИГИЛ проходит типичные стадии развития собственной государственности даже в условиях внешнего на него воздействия.

В-пятых, актуализация в современном научном и политическом дискурсе проблематики «холодной войны» в очередной раз свидетельствует о желании ряда традиционных государств защититься, закрыться от новых угроз, опасностей, вызовов и рисков в рамках национального государства. Постоянные нападки многих российских ученых и политиков, например, на Евросоюз позволяют констатировать нежелание расставаться с традиционным суверенитетом, опасение расставания даже с частью традиционного национального суверенитета. Надеемся, понятно, что эту точку зрения кроме России поддерживают бывшие среднеазиатские и кавказские республики бывшего СССР. Словом, наша страна в этом не одинока.

Обратим, однако, внимание на тот факт, что сосредоточение всей власти у го-

¹ НВФ также может расшифровываться и как «незаконные вооруженные формирования». В таком качестве изучение партизанства требует, по нашему мнению, дополнительного исследования, что и планируется нами при написании новых научных публикаций.

сударства в то же время вполне может способствовать «моральной легитимации насилия» (как со стороны государства, так и со стороны иных субъектов). Как пишут о развитии современного терроризма исследователи из Северной Осетии Л.Х. Батагова и Л.Х. Дзахова, его «намеченные цели, программные установки и практические шаги должны быть санкционированы общественным мнением, после чего любые акции, влекущие за собой беспорядки и кровопролитие, будут оправданы и отвечать интересам той или иной нации или какой-либо конфессии» [Батагова, Дзахова 2015: 31-32].

В-шестых, до сих пор в научном сообществе нет ясности в понимании сущности войны вообще и, тем более, войны современной. Действительно, определение войны как «продолжения политики», данное К. Клаузевицем, сущностным определением в принципе не является. Фактически это определение лишь относит нечто, или некое явление, называемое *войной* (а также военным конфликтом, вооруженным конфликтом), к классу (группе) политических по сути явлений и/или процессов. И все.

Это не критика, это просто констатация факта. Если внимательно почитать отечественные научные труды советского и особенно постсоветского периода, то придется признать, что такое определение после К. Клаузевица в нашей стране так и не было дано¹. Авторы данной статьи знакомы со многими научными трудами и исследованиями В.К. Белозерова, О.А. Белькова, А.В. Возженикова, М.А. Гареева, О.П. Иванова, В.Ф. Ницевича, В.В. Серебрянникова, В.А. Труханова, С.А. Тюшкевича, Д.Л. Цыбакова, В.В. Штоля и других видных отечественных ученых, специализирующихся на военно-политической проблематике. В то же время, как нам представляется, именно К. Шмитт (как, впрочем, и Э. Тоффлер) достаточно близко подошел к формированию сущностного определения такого сложного социально-политического явления, как современная война.

Итак, о чем же написана рассматриваемая книга? Кратко сформулируем несколько основных положений теории партизана К. Шмитта, изложенных в данной книге, а затем выскажем к ним свое авторское, конструктивно-критическое отношение.

Во-первых, свою теорию партизана К. Шмитт строит на противопоставлении регулярности² и иррегулярности³. Он четко и многократно фиксирует в своей книге мысль, что партизан всегда сражается иррегулярным⁴ образом [Шмитт 2007: 11, 26], в то время как военнослужащие в качестве представителей государства всегда сражаются регулярным образом в составе регулярных воинских формирований, имеющих особый принцип комплектования, носят особую форму и знаки отличия. Военнослужащие не только подчиняются правилам войны, но им также присуща определенная корпоративная культура и этика, нормативно-правовые ограничения (например, введенные Венским конгрессом 1814–1815 гг., Гагскими конвенциями о законах и обычаях войны на суше, Женевскими соглашениями 1949 г.), называемые классическим военным правом. Партизан же «не имеет гарнизонов <...> он не предсказуем даже для собственного командования, с которым он должен быть связан» [Шмитт 2007: 157].

¹ Мельков С.А. В чем суть современного политического заказа к вооруженным силам России? – *Институт социологии РАН. Официальный сайт*. Доступ: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208412301.pdf. (проверено 29.12.2016).

² Регулярность (от сл. «регулярный») – исправность, точность. Правильное соблюдение установленных правил. Антоним слов «иррегулярный», «иррегулярность».

³ Напомним, что теория политического К. Шмитта также строится на противопоставлении друга и врага.

⁴ Иррегулярный – случайный, спорадический, нерегулярный, эпизодический; неправильный. Антоним слов «регулярный», «регулярность».

Мы полагаем, что в нескольких местах своей книги К. Шмитт, конечно, не случайно пишет о том, что почти никогда не знаешь, чего можно ожидать от партизана, что партизан — это всегда «импровизатор», партизан «всегда движется быстрее и непредсказуемее» [Шмитт 2007: 157, 216]. И в этой *мобильности*, по мнению К. Шмитта, состоит основное политическое преимущество партизана (если угодно, любого партизана). Поэтому авторы статьи интерпретируют данную мысль К. Шмитта следующим образом: партизан — это всегда *не* представитель государства, это всегда по отношению к государству частное лицо, которое не связано с официальной властью, но активно ей противостоящее именно в политических вопросах, т.е. политически самостоятельное и имеющее собственные отличные от официальных (официально разрешенных) цели.

Об иррегулярности современных военных действий писал в своей книге наш замечательный соотечественник — военный эксперт, ученый Е.Э. Месснер: «...присматриваясь к иррегулярным военным действиям, стал замечать, что такое воевание сопрягается, перемешивается с ударами из подполья (например, терроризмом) тайных организаций, либо террористических, саботажных групп, либо разрозненных индивидуумов, причем нелегко бывает классифицировать их основные побуждения: месть оккупанту, освобождение страны, политико-социальный переворот и т.д. Такую смесь, путаницу идеологий, безыдейной злобы, принципиального протеста и беспринципного буйства нельзя было не назвать мятежом» [Хочешь мира... 2005: 557-558].

Во-вторых, по мнению К. Шмитта, изложенному в тексте рассматриваемой книги, действия партизана, т.е. ведущаяся им война (партизанская война¹), всегда отличается исключительной жестокостью (К. Шмитт даже пишет об «ужаснейшей жестокости» [Шмитт 2007: 15]). Итак, противостоящие регулярной армии отдельные партизаны вынуждены быть жестокими, потому что они знают своего врага, своего политического врага [Шмитт 2007: 15, 21, 140]. И если основной враг партизана — захватчики его Родины — прекрасно организован и отлично вооружен, то партизан вынужден импровизировать.

Если, пишет в своей книге К. Шмитт, война между государствами напоминает игру (пусть и достаточно жестокую) со своими правилами и нормами, то абсолютная вражда, которая и характерна для партизана и партизанской войны, не знает «оберегания», т.е. не придерживается никаких норм и правил. Абсолютная вражда придает войне смысл, распространяется на все и на всех и являет собой, как пишет К. Шмитт, тайную чудовищную ударную силу В. Ленина. Шмитт полагает: ленинское «понимание партизана основывалось на том, что современный партизан стал подлинно иррегулярным явлением... и что его призвание состоит в подлинном осуществлении вражды» [Шмитт 2007: 83]. В данном случае В. Ленин в нашей стране стал тем образованным Пугачевым (имеется в виду явление), об опасности появления которого предупреждал еще французский политический философ Жозеф де Местр. Ибо тем самым в практическую плоскость перейдет союз философии со стихийными силами восстания [Шмитт 2007: 82-83].

По мнению К. Шмитта, именно В.И. Ленин «перенес центр тяжести с войны на политику», сделав из врага действительного врага абсолютного [Шмитт 2007: 141]. Не случайно французский генерал Р. Салан² сначала считал своим

¹ Партизанская война — одна из форм войны, которая ведется скрывающимися среди местного населения либо использующими свойства местности вооруженными группами — партизанами, избегающими открытых и крупных столкновений с противником.

² Рауль Альбин Луи Салан (10 июня 1899 г. — 3 июля 1984 г.) — французский генерал, ветеран двух мировых войн. Командующий французской армией в Индокитае (1952–1953), а затем в Алжире. Став на сторону франко-алжирского населения, Р. Салан создал подпольную организацию ОАС, поставившую своей целью недопущение отделения Алжира от Франции.

абсолютным врагом алжирского партизана. Но внезапно, пишет К. Шмитт, в «его тылу появился гораздо худший для него, более интенсивный враг — собственное правительство, собственный начальник, собственный брат. Во вчерашних собратях он внезапно увидел нового врага. В этом суть случая Салана» [Шмитт 2007: 131]. Из этого также следует важная авторская мысль К. Шмитта о том, что понятие риска (или ведение рискованных действий) не является специфическим признаком партизана. По мнению К. Шмитта, рискованная деятельность обязательно связана со страхованием. Страхование, таким образом, обязательно связано с некоторой защитой, что полностью противоречит абсолютной вражде партизана, знающего своего абсолютного врага, постоянной готовности партизана умереть в борьбе против этого абсолютного врага.

От себя еще добавим, что фактически любая концепция (теория) безопасности связана с защитой и в определенном смысле — со страхованием состояния стабильности и безопасности [Иванов 2008: 18]. А Е.Э. Месснер об этом написал очень четко: «... войны сплелись с мятежами, мятежи — с войнами, создалась новая форма вооруженных конфликтов... источником являются не столько войска, сколько народные движения» [Хочешь мира... 2005: 559]. Он же отметил, что «мятежевойна есть разбой, чудовищный, многообразный, для совести неприемлемый, но для бессовестного разума понятный и нужный для разрушения мировой культуры... Ее оружие универсальное: нет такого оружия разрушения, каким бы оно не пользовалась... Насилие (устрашение, террор) и партизанство — главные “оружия” в этой войне ... В мятежевойне используются и “оружия”, никогда до сего века не мыслимые, как “оружие-порнография”, “оружие-наркотики” “оружие — промывание мозгов”» [Хочешь мира... 2005: 561]. Именно Е.Э. Месснер несколько десятков лет назад отмечал, что «формы партизанской войны наложат печать на все конфликты, которые могут возникнуть в будущем» [Хочешь мира... 2005: 572].

В-третьих, как и многие исследователи современного терроризма, К. Шмитт выводит партизана из герильи¹. Как известно, термин «герилья» введен бразильским революционером К. Маригеллой в конце 1960-х гг. Первоначально герилья использовалась против латиноамериканских военных хунт, а затем была заимствована европейскими революционными и национально-освободительными организациями (*RAF*, Красные бригады, ЭТА, ИРА и др.). По существу же, городская герилья возникла с момента создания городов и возникновения угнетения одних классов общества другими с помощью карательной системы государственного аппарата — с момента начала вооруженного сопротивления угнетенных угнетателям. Главная цель городской герильи — не выиграть войну, а затянуть ее, измотать противника, вызвать недовольство мирного населения неспособностью государственных силовых структур обеспечить спокойствие и порядок на улицах, тем самым обеспечив выгодные условия для ведения мирных переговоров, или оттянуть силы противника для облегчения ситуации на основном фронте. Как писал Е.Э. Месснер, «можно быть в войне, не воюя явно» [Хочешь мира... 2005: 563].

При этом отметим, что термин «герилья» как партизанская война в городских условиях может пересекаться по смыслу и с таким термином, как «вооруженное подполье». К сожалению, последняя дефиниция пока в основном употребляется в качестве журналистского штампа, но еще должным образом не исследована

¹ На сегодняшний день в связи с пересмотром стратегии многих подпольных организаций концепция широкомасштабной городской герильи поменялась в сторону точечных акций устрашения и возмездия, а также силовой и финансово-политической борьбы за власть в странах пребывания этих движений, где герилья является силовым фактором воздействия и сдерживания противников при достижении конкретной цели — получения реальной власти в стране или ее части. См.: Городская герилья — это ... Доступ: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/47314> (проверено 29.12.2016).

наукой¹. Авторы данной статьи намерены еще восполнить этот пробел в своих исследовательских работах.

В своей книге К. Шмитт ссылается в первую очередь на изучение опыта испанской герильи, полагая, что партизан (как явление) этой страны в 1808 г. был первым, кто отважился иррегулярно бороться против первых современных регулярных армий. При этом, что важно, справиться с испанскими партизанами не смогла наполеоновская армия, осенью этого года разгромившая регулярную испанскую армию. Фактически, пишет в своей книге К. Шмитт, общеиспанская герилья (партизанская война) складывалась из приблизительно 200 региональных малых войн в Астурии, Арагоне, Каталонии, Наварре, Кастилии и др. местностях этой страны. Подчеркнем, иррегулярность позволяет партизанам вести сразу, т.е. одновременно, большое число малых, иррегулярных войн.

Собственно, мы сегодня наблюдаем регионализацию войн и вооруженных конфликтов, т.е. развитие военно-политической ситуации² происходит точно по К. Шмитту. Эксперты, политики и общественные деятели постоянно говорят, что большая (мировая?) война сегодня невозможна, зато малые войны идут повсеместно. Об этом же размышляют современные военные социологи, например покойный профессор В.В. Серебрянников. В своей книге «Социология войны» он, полагая, не случайно пишет: «Что происходит с войной? <...> Средняя частота войн в XX веке колебалась, но в целом превысила среднюю частоту войн за всю известную историю человечества примерно в 1,5 раза <...> в первое десятилетие 1990-х годов в мире ежегодно имели место 33–37 крупных вооруженных конфликтов» [Серебрянников 1997: 12–13].

О диффузии невоенных средств и способов действий при проведении военной политики много пишет в своих научных трудах профессор В.К. Белозеров. Так, он отмечает взаимопроникновение политических и военных средств, когда оружием может стать почти все что угодно: машины (начиненные взрывчаткой), гражданские самолеты (падающие с неба на нужные преступникам объекты), люди (начиненные взрывчаткой), животные, роботы и т.д. Как отмечает В.К. Белозеров, «нельзя не учитывать относительную легкость, с которой самые обычные предметы порой могут превратиться в грозное оружие» [Белозеров 2009: 244]. Он же напоминает, что новые средства ведения войны появляются постоянно, а вот отношение к ним населения – это серьезная для политиков и военных проблема. Так, не случайно, полагая, В.К. Белозеров пишет: «...сегодня в общественном сознании отсутствует выраженное неприятие оружия массового уничтожения» [Белозеров 2009: 245]. То же самое по этому поводу неоднократно писал Е.Э. Месснер [Хочешь мира... 2005: 561].

В-четвертых, появление партизана как политической фигуры К. Шмитт тесно связывает с появлением партийца, «поскольку политическое мышление начинается с деления на партии» [Шмитт 2007: 168–169]. Он искренне уверен в том, что «партизаном является тот, кто стопроцентно встал на сторону партии». Для нас важна следующая мысль К. Шмитта: «государство как высшие правящие круги, как институционализируемая организация с бюрократией и централизованным управлением не может быть стопроцентно тоталитарным. Но странным образом, такова партия, то есть часть, которая встает над целым, чтобы осуществить, так сказать, истинное или всеохватное Целое, грядущее, новое Целое, новое единство, новое политическое единство».

¹ В научных работах пока только встречается термин «революционное подполье» [Аракелян 2008].

² Если откровенно, понятие «военно-политическая ситуация» не является научным и корректным. Но авторы статьи используют его как достаточно устоявшееся в отечественной науке понятие и, кроме того, понимают под ним политическую ситуацию в условиях военного (вооруженного) конфликта независимо от фазы его протекания.

Эти достаточно сложные для бытового восприятия философские конструкции К. Шмитта мы постараемся далее упростить для облегчения понимания читателями (осуществить авторскую герменевтику¹). Дело в том, что фактически принадлежность к той или иной группе (неважно, религиозная ли это группа, клубная, профессиональная или чисто политическая, а таковыми и являются политические партии) характеризует политическую вовлеченность партизана. Банально, но политика всегда по своей сути носит групповой характер, т.е. характеризует отношения между социальными группами [Мельков, Перенджиев, Забузов 2016: 14].

Речь может идти о наличии у той или иной легальной политической партии абсолютно нелегальных (незаконных) боевых организаций и дружин. Например, известно о наличии подобных структур у социал-демократов в период деятельности фракции РСДРП в Государственной думе Российской империи (в I, II, III и IV Думе). Неоднозначной была реакция многих ведущих государств на победу партии «ХАМАС» на выборах в Палестине из-за наличия у этой партии боевых организаций откровенно террористического толка². Наличие подобных структур пока очень слабо изучено политической наукой, и авторы уделяют внимание в своих будущих исследованиях изучению нелегальных боевых организаций у легальных политических сил. В то же время отметим, что ранее было уже немало проведено исторических исследований по данной проблематике [Оксенюк 2013].

Действительно, французский политический философ Ж. Рансьер определял политическое как «встречу двух гетерогенных процессов. Первый – это процесс управления. Он состоит в организации собрания людей в сообщество и консенсуса между ними и основан на иерархическом распределении мест и функций. Второй процесс связан с равенством». Французский философ первый процесс условно назвал полицией, а второй – эмансипацией. По его мнению, политическое есть «сцена, на которой верификация равенства должна принять форму разбора несправедливости. У политики нет начала, она архаична в строгом смысле слова». Французский философ объясняет нынешний тупик современной политической рефлексии отождествлением политики с проявлением характерной черты социума. А таковую, по его мнению, довольно трудно определить. Единственной политической универсалией является равенство, которое, считает Ж. Рансьер, всякий раз следует предполагать, верифицировать и доказывать.

Эти теоретические рассуждения Ж. Рансьера позволяют сформулировать два базовых тезиса для понимания сути политического. Во-первых, оно полностью не содержится ни в человеке, ни в гражданине, являясь качеством социума (который, как известно, состоит не из индивидуальных граждан, а из социальных групп и их интересов). И во-вторых, политическое есть одновременно действия по уменьшению хаоса в этом обществе за счет организации и управления и увеличение хаоса за счет борьбы с неравенством [Рансьер 2006: 121].

Однако важно, что политическое одновременно состоит из властвования (если угодно, из чистого властвования, т.е. реализации только интересов самой власти) и управления обществом. Так вот, споры о диалектике власти и управления, кажется, бесконечны. Но в последнее время немало специалистов склоняются к пониманию интегрированной картины государственного управления, настаивая на том, что политико-административное противостояние уже изжило себя исторически. Так, исследователь М.Ю. Павлютенкова отмечает, что отношения власти с обществом образуют внешний контур государственного управления, а центральным его элементом является контур политико-государственного управления

¹ В данном случае – толкование текста.

² Сорокина Н. Переходный период. С палестинскими террористами никто не желает иметь дела. – *Российская газета*. 28 января. Доступ: <https://rg.ru/2006/01/28/palestina.html> (проверено 16.01.2017).

[Павлютенкова 1999: 26]. Высшая власть, таким образом, осуществляет общественное руководство, а государственная власть — управление обществом. В этом ключе профессор С.С. Сулакшин полагает, что власть и управление неразрывны, а главной задачей высшей власти является целеполагание (формулирование стратегических целей развития общества). То есть, особо подчеркивается, что любая власть обязательно должна формулировать те приоритеты, которые она собирается реализовать. Но реализовывать их должна государственная власть методами управления¹.

В-пятых, в своей книге К. Шмитт выделяет четыре критерия определения (идентификации) партизана: 1) иррегулярность, 2) повышенную мобильность, 3) повышенную политическую вовлеченность и, наконец, 4) теллурический характер партизана².

В-шестых, К. Шмитт внимательно рассматривает влияние партизана на легальность и легитимность. На примере Рауля Салана он показывает процесс превращения профессионального военного в партизана, а потом сравнивает этот процесс с превращением профессиональных революционеров (на примере Ленина и Мао Цзэ Дуна) в партизан. Он приходит к выводу, что «регулярное может стать институционализированной профессией, а иррегулярное не может» [Шмитт 2007: 126]. На наш взгляд, совершенно справедливо К. Шмитт отмечает, что «партизан нуждается в легитимации, если он хочет держаться в сфере политического и не хочет скатиться в сферу криминального».

При этом легитимность (общественная поддержка большинства населения) для партизана значит намного больше легальности (т.е. законности собственных действий). Так, поставив интересы большинства населения на 1-е место, пишет К. Шмитт, генерал Р. Салан был вынужден занимать сомнительную с точки зрения закона и солдата позицию, ссылаться на иррегулярность в противовес регулярности и превращать регулярную армию в партизанскую организацию. Однако еще важнее другой вывод К. Шмитта: иррегулярность сама по себе ничего не конститует, она просто становится нелегальностью.

Еще дальше К. Шмитта, на наш взгляд, пошел Е.Э. Месснер. Он считал, что «терроризм, который долгое время осознавался всеми как одна из форм партизанской борьбы, становится самостоятельным игроком <...> при партизанской войне речь идет о господстве на определенной территории. Цель же терроризма — нарушить или остановить потоки товаров, услуг, капитала, людей и информации, то есть всего того, что составляет жизнь современного общества <...> террористическая кампания более не является этапом в рамках общей стратегии, а представляет собой самостоятельный уровень борьбы, где переход к другой форме насилия, например к партизанской войне, вовсе не обязателен» [Хочешь мира... 2005: 580-581].

В своей диссертации один из авторов данной статьи В.О. Микрюков разводит понятия «террор» и «терроризм». По его мнению, «категорией “террор” необходимо обозначить само данное социальное явление как таковое, что позволяет выявить в динамике террора две стороны — теоретико-идеологическую составляющую, которая и будет обозначаться категорией “терроризм”, а также деятельностную составляющую террора, проявляющуюся в ходе реализации идей терроризма. Для обозначения этой составляющей целесообразно ввести и использовать категорию “террористическая деятельность”» [Микрюков 2008: 83].

Однако детальный анализ теории терроризма не входит в наши планы. Полагаем, что К. Шмитт и другие исследователи далеко продвинулись в деле

¹ Мельков С.А. *Понятие и проблема политического*: лекция. Доступ: <http://www.lawinrussia.ru/content/ponyatie-i-problema-politicheskogo> (проверено 04.01.2017).

² Теллурический (от лат. *tellus* — земля) — земной.

познания сущности и содержания этого явления. Остановимся на небольшом эмпирическом исследовании, проведенном авторами статьи по поводу работы К. Шмитта «Теория партизана» в Академии гражданской защиты МЧС России. В качестве респондентов были выбраны 18 преподавателей гуманитарного факультета академии, а также других вузов Москвы. Ниже представлены основные результаты анализа ответов наших респондентов.

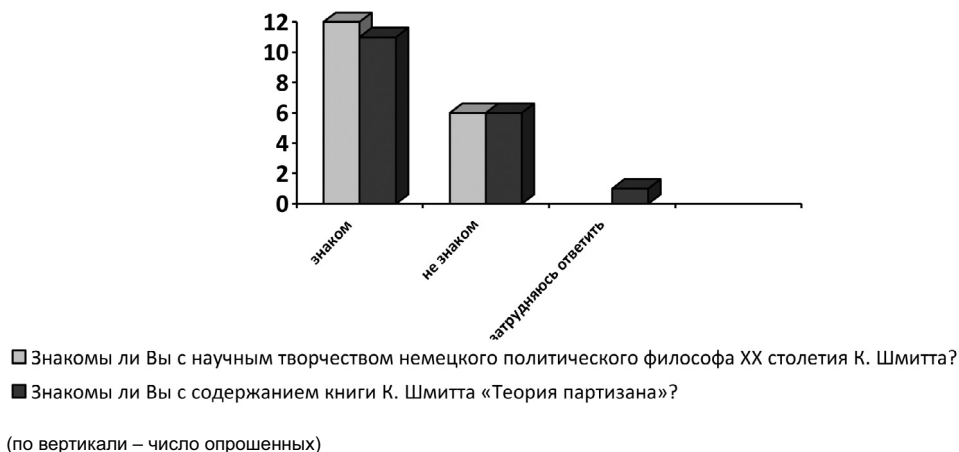

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопросы о знании творчества К. Шмитта и его книги «Теория партизана»

Как видно из рис. 1, подавляющее большинство экспертов знакомы с творчеством К. Шмитта и читали его произведение «Теория партизана». Это подтверждает тезис о том, что книга стала настольной для большинства исследователей проблем безопасности. Из анализа данных ответов об отличии партизан от террористов и от военнослужащих (см. рис. 2, 3 и 4) видно, что все респонденты эти отличия видят, но порой они незначительны. Такие различия стираются во время войны, боевых действий и т.д. К тому же часто военнослужащие во время войны переходят в партизаны и наоборот (опыт Великой Отечественной войны это подтверждает).

На рис. 5 отражено мнение экспертов о самом популярном партизане XX в. 43% респондентов на 1-е место поставили С. Ковпака. Однако то, что 29% затрудни-

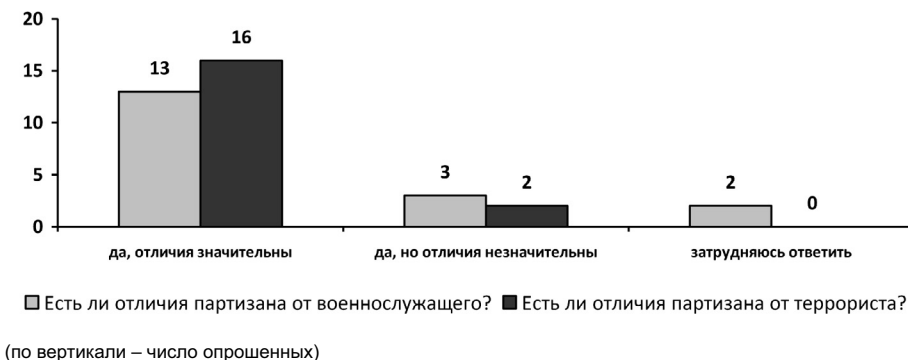

Рисунок 2. Анализ ответов респондентов на вопросы анкеты об отличиях партизана от военнослужащего и партизана от террориста

Рисунок 3. Ответы респондентов на вопрос об основных отличиях между партизаном и военнослужащим

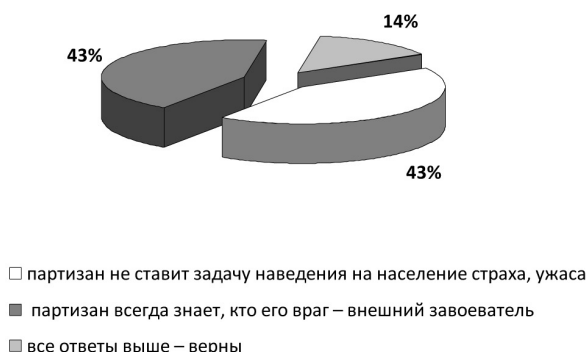

Рисунок 4. Ответы респондентов на вопрос об основных отличиях между партизаном и террористом

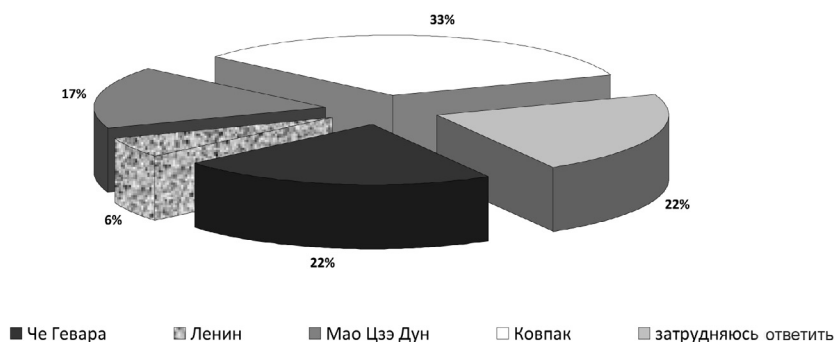

Рисунок 5. Ответы респондентов на вопрос: «Кто величайший партизан XX века?»

лись с ответом, может привести к выводу о том, что либо в анкете были перечислены далеко не все известные партизаны, либо ранжировать их по принципу «самый известный — менее известный» в принципе весьма затруднительно.

В качестве вывода заметим, что современная наука и политики научились выявлять отличия военнослужащих и партизан, но они, похоже, пока не могут четко делать различие между партизаном и террористом. Партизана (как явление) характеризуют иррегулярность, повышенные мобильность и политическая включенность, теллурический характер, возможность абсолютно враждебной идентификации своих политических противников. Нам представляется, что как террористы, так и партизаны еще долгое время будут сопровождать развитие даже современных социумов.

На наш взгляд, эту книгу К. Шмитта вполне можно использовать при изучении таких учебных дисциплин, как «Национальная безопасность», «Управление проектами», «Региональная политика», «Политология», «Общественная безопасность», «Политический процесс, управление и регулирование», «Исследование социально-экономических и политических процессов», «Политические идеологии», «Политическая безопасность», «Философия войны», «Политология войны», «Теория и философия военного управления», «Военная безопасность».

Список литературы

Аракелян М.А. 2008. *Политическая полиция Российской империи в борьбе с революционным подпольем в 1881–1905 гг.*: дис. ... к.и.н. Саратов. 282 с.

Батагова Л.Х., Дзахова Л.Х. 2015. *Терроризм на Северном Кавказе: факторы возникновения и механизмы противодействия*: монография. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского госуниверситета. 164 с.

Белозеров В.К. 2009. *Политический феномен военной деятельности*: монография. М.: ИД «АТИСО». 392 с.

Борьба с НВФ — негосударственными вооруженными формированиями (под ред. П.П. Потапова, А.Е. Тараса). 2007. Мн.: Харвест. 448 с.

Иванов О.П. 2008. *Военная сила в глобальной стратегии США*: монография. М.: Восток–Запад. 198 с.

Мельков С.А., Перенджиев А.Н. 2016. Террористическая угроза и теневая экономика: есть ли взаимосвязь? — *Власть*. № 10. С. 178–185.

Мельков С.А., Перенджиев А.Н., Забузов О.Н. 2016. *Политология*: учебник. М.: КноРус. 226 с.

Микрюков В.О. 2008. Террор и терроризм. Проблема сущностного определения. — *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. № 6. С. 83–85.

Оксенюк А.А. 2013. *Механизмы формирования массовых нелегальных организаций социалистических партий в России в начале XX века*: автореф. дис. ... к.и.н. М. 24 с.

Павлютенкова М.Ю. 1999. *Оптимизация политического управления на основе современных информационных технологий*: дис. ... к.полит.н. М. 202 с.

Рансьер Ж. 2006. *На краю политического*. М.: Праксис. 240 с.

Серебрянников В.В. 1997. *Социология войны*. М.: Научный мир. 398 с.

Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера (под ред. В.И. Марченкова, И.В. Домнина). 2005. М.: Военный университет; Русский путь. 696 с.

Цыбаков Д.Л. 2004. *Парамилитарные (военизированные) общественные объединения в политическом процессе современной России*: дис. ... к.полит.н. Орел. 174 с.

Цыбаков Д.Л. 2010. Трансформация современного милитаризма — реальность мировой политики — *Власть*. № 7. С. 131–135.

Шмитт К. 2007. *Теория партизана*. М.: Праксис. 301 с.

ALEYNIKOVA Lubov' Germanovna, Head of a section at the Chair of State and Municipal Government, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia (bld. 1 Novogorsk microdistrict, Himki, Moscow region, Russia, 141435; lubal69@mail.ru).

MEL'KOV Sergei Anatol'evich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor; Head of Chair of State and Municipal Government, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia (bld. 1 Novogorsk microdistrict, Himki, Moscow region, Russia, 141435; 304304@mail.ru).

MIKRYUKOV Vladimir Olegovich, Cand.Sci.(Philos.), Associate Professor, Head of the Chair of Advertising and Public Relations, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia (bld. 1 Novogorsk microdistrict, Himki, Moscow region, Russia, 141435; mikryukov.v.o@gmail.com)

PERENDZHIEV Aleksander Nikolaevich, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Senior Lecturer at the Chair of State and Municipal Government, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia (bld. 1 Novogorsk microdistrict, Himki, Moscow region, Russia, 141435; 000212@mail.ru)

THE THEORY OF GUERRILLA: A CONTINUATION OF THE THEORETICAL PROBLEMATIZATION

Abstract. The article considers the book of the German political philosopher of the 20th century Carl Schmitt «The theory of the guerrilla» (the subtitle of the book reads as «Intermediate remark to the concept of the political»). The book is developing and nourishes new facts of the concept of the political, which was previously developed by Carl Schmitt in his famous work «The Concept of the Political».

The authors formulate their attitude in general to the theory of the guerrilla (partisan) and form their attitude to such well-known political characters like Salan, Lenin, Mao Tse Tung, Che Guevara. This article is prepared within the framework of the scientific school «Public Policy and Management», functioning at the Civil Defense Academy EMERCOM of Russia on a regular basis.

Keywords: armed nation, guerrilla, irregulars, partisans, political involvement, terrorist

УДК 323

ГАХРАМАНОВ Сурадж Афган-оглы – аспирант кафедры философии и политологии Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 46; surag7@rambler.ru)

ТОТАЛИТАРНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимоотношений власти и бизнеса в тоталитарных государствах – Италии, Германии и СССР. Выявлены общие черты и отдельные различия во взаимоотношениях власти и бизнеса. Определены особенности влияния взаимоотношений власти и предпринимательства на развитие теневой экономики в СССР. Автор приходит к выводу об особо сложном положении предпринимательства в СССР в сравнении с тоталитарными европейскими государствами по причине сугубо «левого» происхождения советского тоталитаризма. В статье отражены такие факторы во взаимоотношениях власти и бизнеса в СССР, как коррупция, масштаб территории страны.

Ключевые слова: власть, бизнес, тоталитаризм, теневая экономика, корпоративизм, антисемитизм

Модели взаимоотношений государства и бизнеса могут быть различными [Дахин 2010: 4]. Этот тезис в полной мере подтверждает и практика государств с тоталитарным государственным режимом. По нашему мнению, примеры фашистской Италии, гитлеровской Германии и СССР в полной мере свидетельствуют именно об этом.